

О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ЭЙЛАТАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2024. Бахтиёр Абдуллаев

Самаркандский институт археологии им. Я. Гулямова

Ключевые слова: Андижан, Ханабад, эпоха бронзы и раннего железа, могильник, кочевая и земледельческая культуры.

Представлены итоги сопоставительного анализа конструктивных решений могильников эпохи бронзы и раннего железа в ракурсе результатов археологических исследований памятника Ханабад-1. Выявлены отличительные черты традиций захоронений кочевых и земледельческих культур Ферганы эпохи бронзы. Несмотря на наличие основных критериев погребальной обрядности эйлатанской культуры, впервые для этой культуры выявлен комплекс богато орнаментированной лепной расписной керамики, где отмечены специфически земледельческие узоры. Специфика сооружений могил и в основном обряда погребений соответствует недостаточно хорошо изученным могильникам эйлатанской культуры в западной и юго-западной Фергане, но при этом очень близка традициям захоронений кочевых культур эпохи бронзы. Несомненно, особый интерес представляет и то, что именно на востоке долины выявлена могила со скорченным труположением, свойственным для эпохи поздней бронзы. Также на могильнике Ханабад-1 зафиксированы кенотафы, что было характерно кочевым племенам предыдущего периода. Данные результаты полевых исследований позволяют утверждать, что носители могильника Ханабад-1, представлявшие восточный вариант эйлатанской культуры, являлись приемниками кочевой кайраккумской культуры.

ЭЙЛАТОН МАДАНИЯТИДА КЎМИШ МАРОСИМИНИНГ ДАВОМИЙЛИГИ ТЎҒРИСИДА

© 2024. Бахтиёр Абдуллаев

Я. Гуломов номидаги Самарқанд археология институти

Калит сўзлар: Андижон, Хонобод, бронза ва илк темир даврлари, мазоркўрғон, кўчманчи ва ўтроқ маданиятлар.

Бронза ва илк темир даври мазоркўрғонлари ва улардаги қабрларнинг пайдо бўлиши ечимлари қийин таҳлили Хонобод-1 ёдгорлигида олиб борилган археологик тадқиқотлар натижалари кесимида амалга оширилган. Фарғона водийсининг бронза даври кўчманчи ва ўтроқ маданиятларидаги дафн этиш аъёнларининг ўзига хос хусусиятлари очиқ берилган. Эйлатон маданиятига оид дафн маросимларининг асосий мезонлари мавжудлигига қарамай, бу маданият учун илк бор бой нақшларга эга қўлда ясалган сопол идишлар комплекси аниқланган бўлиб, бу безакларда ўтроқ маданиятга хос ёки кўчманчи маданиятларнинг нақшлари билан уйғунлашган элементлар қайд этилган. Шундай бўлсада, қабрлар қазилишининг ўзига хослиги ва асосан, дафн маросимлари нафақат Фарғона водийсининг ғарбий ва жануби-ғарбий қисмидаги Эйлатон маданиятига оид мазоркўрғонлардаги удумларга, балки бронза даври кўчманчи маданиятларининг дафн этиш аъёнларига ҳам жуда яқин бўлган. Шубҳасиз, водийнинг шарқида сўнгги бронза даврига хос марҳумлар ғужанак ҳолда қўмилган қабрларнинг топилганлиги алоҳида қизиқиш уйғотади.

Шунингдек, Хонобод-І мозорқўрғонида бронза давридаги қўчманчи қабилаларга хос бўлган кенотаф қабрлар қайд этилган. Дала тадқиқотларининг бу натижалари Эйлатон маданиятининг шарқий вариантыни ифодаловчи Хонобод-І қабристони эгалари қўчманчи Қайроққум маданиятининг давомчилари бўлганлигини таъкидлаш имконини беради.

Введение.

Наряду с возникновением первобытных сообществ в истории человечества место каждого человека в них, с момента его рождения и до момента его ухода из жизни, определялось посредством определенных обычаев и традиций. Среди этих традиций особое значение имеет обычай хоронить умерших, происхождение которых известно еще с древнекаменного века. В то же время этот обычай погребения умерших имеет различные особенности в разных регионах, и на каждом этапе развития общества отмечаются признаки, вбиравшие в себя уникальные символические и религиозно-мировоззренческие представления данного общества.

Известно, что целый ряд культур в разные эпохи, развивавшиеся, сменяя друг друга, возникали на основе предшествующих. Ведь каждая новая культура при формировании основывалась преимущественно на критериях предыдущей культуры, воплощая в себе ряд ее элементов, и только потом обогащалась новыми идеями, исходившими из опыта жизни, впитывавшими новые типы мировоззрения, которые возникали в соседних историко-культурных регионах. Именно в таком порядке разрабатывается теория последовательности древних культур, особенности которых ложились в основу научных исследований. Однако главным критерием при их изучении является выявление признаков непрерывного развития, непосредственно связанных с их преемственностью, в результате суммирования которых решаются вопросы генетического формирования новой культуры.

В науке историческая истина определяется лишь после преодоления ряда проблем и ошибок, что отчетливо просматривается в ситуации с эйлатанской культурой, которая до последнего времени представлялась научной общественности как оседлая, хотя по основным параметрам и признакам она соответствует кочевым культурам. В предлагаемой статье будут представлены сведения об особенно важной для кочевых культур стороне жизнедеятельности – это формирование и развитие обряда захоронения. Однако прежде, чем говорить о погребальных обрядах раннего железного века в представленном исследовании, вкратце коснемся истории изучения погребальных обрядов, характерных для кочевых и оседлых культур эпохи бронзы, опирающихся на довольно обширную географию древних могильников Ферганской долины.

К изучению погребальных традиций в кочевых и оседлых культурах бронзового века Ферганы. Погребальный обряд и способы подготовки могильных сооружений для периода поздней бронзы Ферганы наиболее полноценно изучались на памятниках кочевых культур (Бернштам 1952: 19–22; Гамбург, Горбунова 1956: 85–93; Литвинский 1962: 158–169; Иванов 1988: 44–47; Горбунова 1995: 13–21) в то время, как захоронения оседлых культур, в силу своих традиций погребения имели плохую сохранность, о чем будет сказано ниже. Среди кочевых памятников более подробно изучены могильники Кайраққумской культуры. Обычно они располагались на вершинах увалов, образованных глубокими оврагами с сухими руслами, пересекающими адырные хребты, а там, где увалы переходят в равномерно повышающееся плато, курганы не зафиксированы. Различия в конструкциях надземных сооружений могильников этой культуры уже с раннего этапа планомерного изучения ставило перед исследователями задачу систематизации этих сооружений древних кочевников.

Первый исследованный могильник эпохи бронзы – Вуадиль – охватывал огромную площадь: с юга на север – около 2 км и с востока на запад – 2,5 км. Всего здесь насчитывалось 273 могильных сооружения, где четко выделялись три основных типа могильных сооружений:

1. Курганы с насыпью из крупной гальки с небольшим количеством земли. По краям насыпи, как правило, прослеживалось кольцо, выложенное из камней. Средняя высота насыпи – от 0,5 до 1 м при диаметре от 4 до 15 м. Большая часть курганов этого типа располагалась в юго-восточной части могильника.

2. Курганы с земляной насыпью и небольшим количеством гальки, покрытые незначительной растительностью. Средняя высота их от 0,2 до 1 м, при диаметре от 3 до 20 м. Основная масса курганов этого типа находилась в северо-восточной части могильника.

3. Выкладки из обломочных пород и галек, имеющие разнообразные формы и размеры, разбросанные по всему могильнику небольшими отдельными группами между курганами первого и второго типов.

Исследователи, изучавшие упомянутые выше сооружения, полагали, что разнообразие погребальных сооружений заключалось в том, что людей хоронили в разное время (Гамбург, Горбунова 1956: 85–86). К концу XX века один из этих авторов обобщил все известные кайраккумские могильные памятники и дополнил (Горбунова 1995: 17), разделив надземные погребальные сооружения на четыре категории:

Тип 1 – насыпи из грунта и камня (Кашкарчи, Дашти-ашт) или только камня (Вуадил, Арсиф, Ташкуртан).

Тип 2 – выкладка-оградка из камней, врытых в землю или уложенных плашмя. По форме они прямоугольные, круглые, часто в виде круга внутри прямоугольника или сплошные (Вуадил, Чек, Карамкул, Арсиф, Япаги). Иногда встречались двойные, пристроенные друг к другу (Вуадил, Арсиф, Япаги). В некоторых случаях в сооружении могильных курганов использовались одновременно насыпи с каменными выкладками (Кашкарчи, Япаги, Арсиф).

Тип 3 – надземные сооружения отсутствуют, а могильная каменная коробка определяется выступающей частью краев каменного ящика (Вуадил, Карамкуль, Чек, Дахана).

Тип 4 – прямоугольные длинные каменные вымостки, отделенные друг от друга «дорожками» (Карамкуль, Япаги).

Однако, по мнению другого исследователя, эта рабочая идея до сих пор не использовалась в исследованиях, поскольку искусственный древний рельеф – сооружения из камня или смеси камня и грунта – на поверхности земли подвергались разрушению в силу естественных (регулярные осадки, сейсмическая зона) и антропогенных (материалы надмогильных сооружений использовались человеком последующих периодов) причин. Поэтому целесообразнее использовать критерии, характеризующие устройства могил, а не надземные сооружения (Иванов 1999: 15–16). В то же время объединяющим их условием является наличие каменных вымосток на поверхности этих могил. По внешнему виду могилы делились на несколько типов:

А) округлой формы с намечающимся внешним кольцом и частичным заполнением середины галечником и обломочными породами;

Б) небольшие овальные оградки, образованные выступающими на поверхности земли камнями могильной ямы;

В) овальные и подпрямоугольные, имеющие оградки из плотно прилегающих друг к другу небольших галек;

Г) прямоугольные, иногда подквадратные выкладки с аналогичным типу А заполнением середины (Гамбург, Горбунова 1956: 86–87, рис. 37).

Конструктивно могилы также делились на четыре типа (Горбунова 1995: 17): 1) Каменные ящики из сланцевых плит или крупных окатанных овальных камней, стоящих на тор-

Рис. 1. Сопоставительная таблица керамических комплексов из могильников Актам и Ханабад-1

Расм 1. Оқтам ва Хонабад-1 қабристонлари сопол мажмуаларининг қийсий жадвали

Fig. 1. Comparative table of ceramic complexes from the burial grounds of Aktam and Khanabad-1

цах по стенкам могил. Иногда имелись остатки перекрытия из таких же камней (Вуадиль, Чек, Карамкуль, Арсиф).

2) Каменные ящики из плит, лежащих вдоль стенок ямы (Ходжа-Ягона).

3) Ящики-цисты (Дахана, Даштиашт).

4) Катакомбы (Япаги, Кашкарчи).

Необходимо отметить, что, в отличие от вышеописанных каменных ящиков, катакомбы конструктивно соответствовали современным мусульманским могилам, состоявшим из впускной ямы «айван», соединявшейся через небольшой округлый проход-тамбур в камеру для захоронения усопшего – «ляхад», находившуюся уровнем ниже. «Айван» опускался от поверхности земли на глубину 1,4–1,5 м по линии северо-запад – юго-восток в форме овала (2,8 x 1,5 м) и у северо-западного края пола через круглое отверстие-тамбур диаметром 50 см и под углом 45° можно пройти в вырубленную камеру покойника – «ляхад», ориентированную с запада на восток, глубиной 1,6 м, длиной 2,5 м и шириной 2,2 м (Иванов 1988: 46, рис. 1).

В целом критерии строительства погребальной камеры везде были одинаковыми. Обычно непосредственно под каменным покрытием границы могилы овальной формы отделялись слоем гальки или каменных плит, доходившим до пола погребальной камеры. Стенки ямы были покрыты вытянутыми, выровненными и округлыми камнями или сланцевыми плитами, которые располагались немного наружу, образуя под почвой погребальную камеру – каменный ящик. По результатам исследований, проведенных в 60–70-х годах прошло-

го столетия, отмечалось, что в эпоху бронзы имелись три группы могильников, такие, как «каменные ящики» и «катакомбы» кайракумской культуры, а также грунтовые могильники чустской (?) культуры (Горбунова 1979: 23). Могильники последнего типа исследователь привела с большим сомнением, поскольку не только в XX веке, но и до последнего времени в Фергане не зафиксированы могильники не только чустской, но и последующей шурабашатской культуры.

В связи с тем, что в кочевых племенах тела умерших зачастую укладывались в скорченном положении, то средняя длина могил (по верхнему внутреннему краю каменных ящиков) составляет 1–1,6 м, ширина – 0,9–1,2 м, глубина – 0,8–1 м. Большинство обнаруженных могил имели длинную ось, направленную на запад, и лишь в некоторых случаях они располагались в направлении восток или север-юг. Поскольку камни, составляющие каменные ящики, располагались наклонно, стенки камеры в целом сужались книзу. Как правило, керамический сосуд ставился сбоку от головы усопшего, так как часто археологические фрагменты сосуда находили перед головой (Гамбург, Горбунова 1956: 87–89).

По данным ряда исследований, упомянутые выше погребальные традиции соблюдались почти у всех племен, принадлежащих к андроновской культуре (Киселева 1951: 68, 70; Литвинский 1962: 287–289; Заднепровский 1966: 213–214). Однако среди захоронений этого периода выделяются катакомбы так как по утверждению их исследователя, подобный тип захоронения зафиксирован впервые не только в Ферганской долине, но и в Центральной Азии в целом (Иванов 1988: 46, 47).

В период становления классической археологии А. Н. Бернштам, изучая могильники кочевников античного периода, выдвинул идею, что «Сако-усуньская культура неразрывно связана с культурой бронзового века» (Бернштам 1952: 210). Однако, по мнению исследователя, всесторонне изучавшего культуру первых кочевников долины, данная позиция А. Н. Бернштама подтверждается, в частности, кайракумскими материалами, показывающими постепенное формирование сакских комплексов на основе эпохи поздней бронзы. На территории Тянь-Шаня, Алая и Памира прослеживается постепенное развитие конструкций погребальных сооружений в направлении замены могильных ям с каменной обкладкой (и перекрытием) грунтовыми могильными ямами разных форм, в том числе с деревянным перекрытием. Особняком стоят те специфические сооружения, которые известны под названием «курумы», «муг-хона», «каменные ящики» (Литвинский 1962: 168).

Необходимо отметить, что почти во всех изученных могильниках кочевых культур эпохи бронзы зафиксировано положение усопших как в скорченном, так и в вытянутом положении (Иванов 1999: 16–28). Сопоставительный анализ погребений дал исследователю заключить, что даштиаштские и арсифские погребения датируются поздним временем по раскопанным в них сосудам VIII группы, которые по своей форме и покрытию ближе к следующему актамускому периоду, чем к посуде степной бронзы. Карамкульские курганы с каменными вымостками, характерными для памятников эпохи бронзы, совершались в неглубоких ямах без каменных ящиков, зачастую головой на запад, в вытянутом положении, на спине. Эти элементы сближают карамкульские погребения с актамым обрядом. Более того, на северо-западе эволюция конструкций каменных ящиков постепенно поднимается над поверхностью земли, и погребения в Дашти Ашт уже только слегка заглублены. На юго-востоке сначала площадь ямы увеличивается до размеров, при которых погребение в розетках возможно в вытянутом положении, а на самом последнем этапе обкладки ям вовсе исчезают, и погребения совершались почти на поверхности земли (Иванов 1999: 43, 44). Последние факты указывают на определенный эволюционный путь погребальных сооружений именно

у кочевых культур. Во второй части данной статьи будут приведены результаты новых археологических раскопок, полностью подтверждающих данный эволюционный процесс.

Погребальные обычаи кочевых культур в целом широко документированы, но материалов по традициям захоронения в земледельческой чустской культуре эпохи бронзы очень мало. В нашем распоряжении имеются лишь материалы, взятые из наиболее изученных памятников – Дальверзин и Чуст, показывающие, что умерших хоронили на территории городищ и поселений, однако отдельного могильника-некрополя у них не было.

В руинах городища Дальверзин зафиксировано 50 могил, в основном в культурном слое, но только восемь из них полностью раскопаны и изучены. Однако подробные сведения о традиции захоронения удалось получить только в пяти из этих могил. В одной из последних пяти могил усопший был положен на спину и головой на запад, что позволило исследователю сравнить это захоронение с подобными в Актамском могильнике. Хотя остальные четыре погребения выявлены в скорченном виде, причем на левом боку находились скелеты двух женских особ (головами направлены на юго-запад), а скелеты мужчины и ребенка (в направлении с северо-востока на восток-юго-восток) уложены на правую сторону (Заднепровский 1962: 97). Удивительно, но только в одном случае из 50 зарегистрированных могил перед головой погребенного был найден лепной расписной сосуд. При этом человеческие останки были захоронены на глубину 1,7 м, погребение спущено в материковый слой под полом помещения (Заднепровский 1962: 17, 20–24, рис. 4, табл. 1).

На Чустском городище мало хорошо сохранившихся могил и человеческих останков. В связи с тем, что могилы сооружались в культурном слое, их следы почти не сохранились, но при вскрытии первой могилы было отмечено, что скелет лежал на левом боку в скорченном положении. Рост покойного составлял 1,6–1,65 м, его ладони положены под щеки, как бы укладывавая спать. Удивило исследователя то, что могила была очень неглубокой и имела глубину 25–30 см, то есть культурный слой над материковым грунтом успел за это время подняться лишь на 30 см (Спришевский 1958: 97).

Таким образом, до конца первой четверти I тыс. до н.э. погребальные обряды кочевых и оседлых культур, сложившиеся в Ферганской долине эпохи бронзы, резко отличались друг от друга в плане конструкции погребальных сооружений. Однако в обеих культурах усопших хоронили как в скорченном положении, так и на спину. При этом отмечено, что внутри кочевых культур, в отличие от оседлых, существует несколько различных погребальных сооружений, а объединяющим фактором являются каменные покрытия – вымостки на могильниках.

Погребальный обряд на востоке Ферганы в период раннего железного века.

Последние четыре года на склонах Ханабада в Андижанской области проводятся полевые исследования на могильнике Ханабад-1 эйлатанского типа, расположенном на увалах адырной гряды в предгорьях Тянь-Шаня, недалеко от реки Карадарья, протекающей с территории соседнего Кыргызстана. Известно, что из этой реки взяты самые длинные искусственные ирригационные сооружения древности – Шахрихансай и Андижансай. Процесс строительства столь масштабных для своего времени каналов привел к бурному развитию урбанизации Ферганы в периоды раннего железа и ранней античности (Абдуллаев 2017б: 116). Все это указывает на то, что территория Ханабада представляла собой плотно заселенную и уникальную контактную зону кочевых и оседлых культур Ферганы раннего железного века. Все вышеперечисленное требует комплексного изучения древности данной местности.

Еще при первом визуальном осмотре адырного хребта были высказаны предположения о том, что здесь находятся остатки древнего могильника кочевых племен, получившие свое подтверждение при последующих полевых исследованиях и показавшие, что этот древний могильник принадлежал восточному варианту эйлатанской культуры, представленной ре-

зультатами археологических исследований 2020–2021 гг. (Абдуллаев, Камбаров 2021: 5–10; Абдуллаев 2022: 52–56; Abdullayev, Qambarov 2022: 55–66).

В ходе археологических раскопок 2020–2023 гг. была открыта и изучена территория площадью более 539 кв.м, преимущественно верхние каменные вымостки могильника, где были изучены две трети вскрытой площади. Был получен довольно большой материал, где, помимо керамики, находки (только целых 43) включают несколько сотен бус различной формы и размера, изготовленных из различных минералов, десятки украшений из железа, бронзы и драгоценных металлов, а также каменные изделия – серпы, сурьматаш. Однако сопоставительный анализ сопроводительного инвентаря, полученного из могильника Ханабад–1, будет представлен в следующих статьях. Здесь можно отметить, что в результате полевых исследований, проведенных на могильнике Ханабад–1 в 2020–2023 гг., обнаружен большой комплекс лепной расписной и станковой керамики, имеющей относительную датировку сер. I тыс. до н. э. Следует также отметить, что на этом памятнике впервые получен комплекс лепной расписной керамики, резко отличающийся от керамических комплексов из других памятников этой культуры на западной и юго-западной части долины, с очень богатой орнаментацией (рис. 1). В связи с этим в представленном исследовании мы ограничимся характеристикой своеобразия погребальных традиций эйлатанского типа и конструкции могильников и их каменных насыпей, описанием расположения скелета в погребальной камере и керамики, а также результатами сравнительного анализа в сравнении с аналогичными в других могильниках эйлатанского круга.

Итак, перейдем к описанию особенностей исследованных могил.

В сезоне 2020 года после снятия дернового слоя и углубления раскопа на 0,5–1,2 м установлено, что в западной части заложенного раскопа на площади 10 x 8 м выявлена галечная вымостка преимущественно из камней среднего размера. В процессе расчистки камней вымостки среди них были обнаружены фрагменты лепной расписной керамики, украшенной геометрическим и растительным орнаментами.

После камеральной обработки каменной вымостки и расчистки территории от камней выступил слой грунта толщиной 15–20 см, где были обнаружены два фрагмента каменных серпов с сохранившейся длиной 9–12 см, шириной 2–4,5 см и толщиной 0,2–0,8 см. Известно, что каменные серпы были характерны для чустской и шурабашатской земледельческой культур Ферганской долины, но не зафиксированы на памятниках эйлатанской культуры. Ханабадские каменные серпы по размерам соответствуют серпам, найденным в чустской и шурабашатской культурах, средний размер которых составлял 15 x 4,2 x 0,8 см (Заднепровский 1962: 33, 36, рис. 12; Гаврюшенко 1970: 9). В целом между чустской и шурабашатской культурами много общего, и это сходство проявляется в лепных расписных сосудах, очень близких по формам и орнаментации друг к другу.

Один из классиков-фергановедов утверждал, что истоки шурабашатской культуры восходят к чустской культуре эпохи бронзы, хотя прямое развитие или косвенную связь между ними пока установить не удалось (Заднепровский 1960: 61). Однако в начале 60-х годов прошлого века на востоке долины, близ города Узген в Киргизии, на поверхности памятника Дехкан, были обнаружены фрагменты лепных расписных и гончарных сосудов, принадлежащие как чустской, так и шурабашатской культурам (Заднепровский 1962: 46). Также в результате наших исследований, проведенных на памятнике Коштепа-2, в верхнем перемешанном слое обнаружен фрагмент лепной керамики чустской культуры, в то время в его нижних слоях получены керамические комплексы, относящиеся к шурабашатской и эйлатанской культурам (Абдуллаев 2016: 26, 30–31, рис. 4, 1, рис. 22, 4, рис. 23, 1, рис. 24).

Первые из приведенных выше данных свидетельствуют о том, что между чувстской и шурабашатской культурами существовали некоторые генетические связи, а результаты второго исследования опосредованно подтверждают не только близкие контакты, но и тесные взаимоотношения носителей культур Шурабашата и Эйлатана, указывающие на их совместное обживание местности. В настоящее время выявлены перспективные памятники для анализа концепции последовательности древних культур Ферганской долины. Результаты наших исследований, проведенных в 2023 году на территории Султанабадского массива Кургантепинского района Андижанской области, расположенного в 6 км западнее города Ханабад, показали, что памятники чувстской (Джаннатмакан) и шурабашатской (Султанабад-1, -2 и -3) культур находились вблизи друг от друга, на расстоянии 50–100 м. Параллельное исследование последних, по нашему мнению, позволит установить прямое и последовательное развитие между этими земледельческими культурами Ферганы.

Однако вернемся к нашим исследованиям памятника Ханабад-1. После очистки слоя грунта открылся второй слой галечной вымостки, при зачистке которой также выявлены фрагменты лепной расписной керамики. В северо-восточной части раскопа на краю обрыва обнаружено сооружение, состоящее из 7 крупных камней размерами 50–70 x 20–30 x 30–15 см. Хотя функциональное назначение данного сооружения пока неизвестно, но его зачистка в 2021 году показала, что в центре сооружения имелась специальная камера, где находились две лепные расписанные миниатюрные чашечки. Орнаментация сосудов – на одном состояла из центрального узора представленного взаимосвязанными ромбами, каждый из которых включал в себя различные геометрические элементы, а на другом из ряда взаимосвязанных треугольников, также заполненных различными геометрическими мотивами. Характерно, что центральные орнаменты обеих сосудиков – ромбы и треугольники – объединяли в себе как элементы узоров кочевых, так и оседлых культур! В то же время одна из чашечек имела вертикальную плоскую ручку (Абдуллаев 2023: 25, рис. 3). Интересно отметить, что хотя внутренняя камера имела достаточное пространство, чтобы можно было поставить чашки вертикально, они были положены на бок. Все вышеперечисленное свидетельствует о том, что древние жители Ханабада с почтением относились к проводам своих соплеменников в «иной мир», следуя определенным религиозным ритуалам, поддерживая своеобразный погребальный обряд.

В восточной части раскопа обнаружена вымостка из камней среднего размера в форме круга, западный край которого обрывается на краю западного «среза» памятника. Вероятнее всего, это была часть вымощенного гальками круга, характерного для погребальных традиций на могильниках эйлатанской культуры (Горбунова 1961а: 173, рис. 2; Горбунова 1969: 73, рис. 2).

В ходе расчистки на восточном краю раскопа была найдена полусферическая лепная расписная чаша высотой 8 см и диаметром устья 21 см. Центральный дизайн чаши состоял из ряда ромбов, заполненных геометрическими линиями и фигурами. Известно, что в погребениях эйлатанской культуры сопроводительные чаши зачастую располагались с правой стороны края могилы над плечом усопшего (Гамбург, Горбунова 1957б: 79–80, рис. 28; Горбунова 1969: 74, рис. 3). Расчистка участка, исходя от этой установки, позволила выявить следы могилы М-1, заполненной невысокой (20–40 см) насыпью из камней среднего размера. Конструктивно могила представляет собой впускную яму в виде вытянутого прямоугольника с овальными краями, стенки которых сужались книзу под углом 80°. Следовательно, если длина могилы по верху составляла 2,1 м, то у дна она сокращалась до 1,9 м, ширина камеры по верху доходила до 60–70 см, а в нижней части составляла 60–50 см, при глубине 75–80 см.

Особенность захоронения в могиле М-1 состояла в том, что усопшего (длина скелета 1,58 м) укладывали на спину, ориентированно с востока на запад, а затем засыпали последовательными слоями земли и камня мощностью в пределах 20 см. Данные полностью соответствуют погребальному обряду эйлатанской культуры (Горбунова 1969: 74), и такая последовательность могла быть нарушена лишь человеческим фактором, связанным с ограблением могилы в течение нескольких лет после захоронения, о чем ниже будет представлен ряд примеров.

Дальнейшая очистка каменного круга привела к обнаружению второй полусферической лепной расписной чаши. Диаметр устья сосуда 15 см, высота 11 см. Открытая перед ним могила М-2 также имела вытянутую овальную форму. Могильная яма имела следующие размеры: длина по верху 2,0 м, внизу 1,85 м, ширина 55–60 и 40–50 см при глубине 0,8 м. Длина скелета сохранилась на уровне 1,53 м. Умерший положен на спину в направлении с востока на запад. Впускная яма также последовательно заполнялась слоями грунта и камня толщиной 20–30 см.

В центре раскопа среди камней обнаружены следы округлого (вероятно, ритуального) очага диаметром 50x60 см. Когда были сняты ее размеры и расчищено место, то оказалось, что ритуальный очаг был сооружен поверх сопроводительного инвентаря предшествующей могилы М-3, где позже были обнаружены две чаши. Одна из них представляла собой полусферическую лепную чашу без орнамента (диаметр 20–21 и высота 8 см), а другая – станковую чашу с прямым выделенным венчиком, диаметр устья составлял 12,5 при высоте 7,5 см (Abdullaev, Kambarov 2021: 247, 6-rasm). Сосуды были целыми, но лепная чаша, видимо, довольно длительное время находилась по центру очага, что сильно повлияло на ее конструктивную прочность и при извлечении разбилась на несколько частей.

В ходе полевых исследований 2022 года вскрыто и изучено шесть (3–8) могил. После полной зачистки вокруг упомянутых выше сосудов справа от гончарной чаши стали проступать следы следующей могилы М-3. Несмотря на наличие насыпи из камней небольшого и среднего размеров над могилой, сразу определить стенки входной ямы не удалось. Было также отмечено, что в погребальной камере была нарушена последовательность слоев камня и грунта – они были перемешаны; среди них также были обнаружены фрагменты человеческого черепа. Лишь после раскопок более чем на полметра были найдены стенки могилы длиной 1,85 м, шириной 70–75 см и глубиной 1,25 м. Погребенный также уложен на спину, в направлении с востока на запад. Однако, в отличие от предыдущих скелетов, у него ноги были согнуты и представлены в положении «всадника». Верхняя часть скелета сильно повреждена – череп почти цел (за исключением некоторых частей), отсутствуют оба предплечья и большая часть ребер и позвончиков. Все вышеизложенное позволяет констатировать, что могила М-3 была разграблена еще в древний период. По этой причине длина скелета представлена примерно 1,52–1,54 м. Тем не менее, по мнению антрополога, исходя из длины ног скелета, можно предположить, что его общая длина не превышала 1,65 м, а наличие на черепе «*incisura ischiadica major*» указывает на принадлежность скелета женской особе (Bulkstra, Ubelaker 1994: 18).

Хотя могила М-3 в прошлом была разграблена, однако сохранившийся в ней инвентарь свидетельствует о том, что она была значительно богаче остальных обнаруженных, потому что из могилы было извлечено множество различных минеральных (бусы) и железных (серьги, кольца и браслеты) украшений, а также цветных (бронза) фрагментов из драгоценных (золото) металлов. Все это, конечно, свидетельствует о том, что покойный имел очень высокий социальный статус. В то же время положение усопшего в виде «всадника» указывает на то, что он при жизни был искусным наездником. Такая ситуация соответствует све-

дениям из древних летописей об амазонках или женщинах-наездницах в кочевых племенах, участвовавших в различных битвах наравне с мужчинами.

Могила М-4 во многом отличалась от остальных: она располагалась под большим круглым курганом диаметром 8–9 м и высотой до 45 см, выложенным из средних и крупных камней. Конструктивно могила представляла собой впускную яму вытянутой овальной формы. Глубина могилы составляла 1,3 м от уровня дневной поверхности под каменным курганом, длина по устью ямы доходила до 2,7 м, а по дну – 1,9 м, также ширина (от головы до ног) – 0,81 x 1,4 x 0,75 м поверху и 55 x 60 x 50 см понизу. В центре северной и южной стен могильной камеры особый интерес представляют две полусферические лепные расписные чаши, поставленные отдельно в вырубленных в стенках камеры полках глубиной 55 и 65 см соответственно. В могиле не было никаких следов грабежа, но, кроме двух упомянутых выше чаш, никаких других предметов обнаружено не было.

Особенность могилы М-4 состояла в том, что усопший лежал на правом боку в скорченном положении, ориентированный с востока на запад. Следует отметить, что скелет погребенного сохранился гораздо лучше, чем в других раскопанных могилах. Он располагался в восточной половине могильной ямы, а череп имел неестественное положение, т. е. череп был приставлен к плечам верхней теменной частью (очень возможно, что голова была отрублена)! Скорченное положение усопшего позволяет лишь примерно указать длину скелета – 1,62 м. Пространство в 90 см от центра до западной стенки погребальной камеры было заполнено преимущественно крупными камнями (диаметр 45–60 см) и частично слоем грунта. Усопшего закапывали традиционно последовательно слоем грунта и слоем камня среднего и мелкого размера.

Захоронения усопших в скорченном положении, выявившиеся с началом целенаправленных археологических экспедиций (Окладников 1956: 16; Гамбург, Горбунова 1957а: 134, рис. 5), обычно было характерно для эпохи бронзы, как это было указано в предыдущем разделе статьи. Вероятно, продолжение столь архаичной традиции в могильнике раннего железного века является результатом консервативности похоронного обряда кочевых культур не только Ферганы, но и всей Центральной Азии. Вопрос в другом: если покойного хоронили в могильной яме в скорченном положении, то зачем было сооружать относительно глубокую и длинную могилу, в отличие от других могил? Ведь, по сути, можно было сооружать более компактные могилы в соответствии с размерами усопшего в скорченном положении, как это представлено в могильниках кочевников эпохи поздней бронзы! Это, несомненно, было связано с существованием особой социальной стратификации, отраженной в погребальной обрядности ханабадского варианта эйлатанской культуры, поскольку подобные погребальные традиции не встречаются в других могильниках этой культуры.

Могила М-5 представляет собой прямоугольную яму со скругленными углами, ориентированную с северо-востока на юго-запад. Ее верхняя часть представлена небольшой насыпью из крупных и средних камней высотой 30–35 см, что позволяло предположить лучшую сохранность могилы. Однако вскрытие показало, что под каменной насыпью слой камня и грунта в яме были перемешаны. Интересно, что в центре этой смеси камня и земли располагались две полусферические лепные расписанные чаши (одна диаметром 11,5 см и высотой 9 см, другая диаметром 16 см и высотой 8 см).

Глубина могилы составляла 1,0 м, длина по верху – 2,05 м, по дну – 1,85 м, соответственно ширина по верху – 50–80 см, а по дну – 45–60 см, длина скелета 1,58 м. Возможно, что и эта могила была ограблена еще в древности, поскольку послойное заполнение (слоями камня и земли) погребальной камеры было нарушено. В то же время в первых двух могилах М-1 и М-2 обнаружено большое количество бус из различных минералов и железных украшений, а в могиле М-5 таких предметов выявлено очень мало.

Могила М-6 отличается от других могил тем, что ее глубина составляла всего 0,6 м, а в остальном она аналогична упомянутым могилам. Поверхность ее представляла собой смесь камня и грунта, но какого-нибудь возвышения в виде каменного кургана на ней не зафиксировано. Среди камней на юго-западной стороне поверхности могилы, у правого плеча скелета, обнаружена полусферическая лепная расписная чаша диаметром 14 см и высотой 8,5 см, с плоским дном. Погребальная камера была заполнена слоями толщиной 15–20 см грунта и преимущественно средними и крупными камнями, а в верхней части могильной ямы укладывались мелкие (диаметром 7–10 см) камни. Длина могильной ямы составляла 1,85 м, а ширина – 55–45 см (длина скелета 1,6 м). В этом погребении усопший также был положен на спину, ноги вытянуты, руки скрещены с обеих сторон, а голова несколько наклонена к ногам из-за каменной подушки под головой. Использование каменной подушки под голову усопшего в погребальном обряде эйлатанской культуры практиковалось начиная с Актамского периода (Гамбург, Горбунова 1957б: 79), хотя подобный обряд достаточно часто встречался и в могильниках бронзового века (Иванов 1999: 21). Сохранность скелета несколько лучше, чем в могилах М-3, М-5 и М-7. Вероятность принадлежности останков принадлежали мужчине, определяется тем, что среди сопроводительного инвентаря женских украшений зафиксировано не было.

Могила М-7 ориентирована с северо-востока на юго-запад. Особенностью погребального сооружения является то, что для заполнения могильной ямы не использовался камень. Погребальная камера была полностью заполнена землей, что зафиксировано впервые за весь период исследований в Ханабаде. Однако поверхность могилы М-7, как и в других могилах, имела небольшую насыпь из камней среднего и крупного размеров. Вообще, практика засыпки могильной ямы землей среди представителей кочевых культур раннего железного века и ранней античности не являлась исключением (Бернштам 1952: 190), хотя подобное положение также имело место и в период бронзового века (Горбунова 1979: 23).

Еще одна особенность могильной ямы М-7 в том, что она очень узкая и глубокая: длина ее 1,8 м, ширина в изголовье 40 см, в центре 55 см, у подножия 35 см, в то время как глубина составляла 1,4 м. Последнее, вероятно, очень усложняло как сам процесс выкапывания впускной ямы, так и захоронение усопшего. Длина скелета 1,58 м. Около центра южной стены могилы, на высоте 50 см над полом камеры, была вырублена специальная полка, в которую были поставлены две станковые полусферические чаши – одна диаметром венчика 22 см и высотой 10,8 см, другая – диаметром венчика 16 см и высотой 7,8 см. Самый крупный из этих сосудов, представлявший собой классическую станковую чашу эйлатанской культуры, имелся в обиходе вплоть до III в. до н. э. (Горбунова 1970: 84–85).

Как обычно, тело лежало на спине, но ноги были скрещены – правая нога была закинута на левую. Также выделяется положение рук, где левая рука согнута к груди, а ладонь направлена к ногам. При этом ладонь правой руки направлена к локтю левой. Следует отметить, что под скелетом было найдено несколько плоских камней: более крупные камни помещались под головой, под лопаткой, под тазом и по обе стороны колен, чтобы удерживать их скрещенное положение.

Особенность полевого сезона 2022 года в том, что среди вскрытых могил обнаружен кенотаф – могила М-8, где отсутствовали человеческие останки. Верх могилы перекрыт каменной насыпью диаметром 2–3 м и высотой 30–40 см. Под ним находилась погребальная камера длиной 1,8 м, шириной 60–75 см и глубиной 0,8 м. Здесь, как и в могиле М-7, погребальная камера была полностью засыпана землей, в центре южной стены и почти перед полом высечена полка, на которой найдена полусферическая лепная расписная чаша. Не только в древней истории Ферганы, но и всей Средней Азии, начиная с эпохи бронзы, подобные кенотафы фиксировались в могильниках кочевых культур довольно часто (Бернштам 1952:

189; Литвинский 1962: 116; Козенкова 1966: 212; Аванесова 2020: 156). Есть вероятность того, что подобные погребальные обряды проводились лишь по особым случаям, когда по каким-то причинам было невозможно привезти тело соплеменника (воина), имевшего особый статус в обществе.

В 2023 году были вскрыты и изучены могилы М-9-21, но поскольку остеологические, минералогические и металлические образцы все еще находятся в процессе современной технологической обработки, будут представлены лишь некоторые обобщающие итоги. Необходимо отметить, что основные параметры подготовки погребальных сооружений не имели больших различий от вскрытых ранее могил данного памятника. Они также имели форму впускной ямы в виде продолговатого овала, небольшие каменные насыпи которые сохранялись на высоту 10–25 см. Погребенного зачастую укладывали на спину и закапывали последовательно слоями земли и камней. Своеобразным открытием данного сезона является вскрытие могил с повторным захоронением (М-9 и М-21) по истечении определенного времени. Если в могиле М-9 отчетливо прослеживается временной промежуток между двумя захоронениями без вреда останкам предыдущего захоронения, то в могиле М-21 центральная часть скелета нижнего захоронения была вырублена и выброшена в процессе подготовки могильной ямы для последующего захоронения. Поэтому при вскрытии первоначальным впечатлением было, что обоих усопших укладывали друг на друга почти в одно время. Необходимо отметить, что эти «парные» захоронения включали в себя останки мужчин и женщин. Если в первом (М-9) случае нижнее захоронение представлено скелетом женщины в вытянутом положении, а верхнее – мужчины в скорченном положении, то во втором (М-21) случае внизу были останки мужчины, а сверху – женщины, где оба усопших были в вытянутом положении.

Заключение. Таким образом, все вышеизложенное показывает, что в предгорьях Тянь-Шаня сформировался уникальный эволюционный процесс кочевой эйлатанской культуры, включавший в себя не только различные элементы жизни кочевников и оседлых племен раннежелезного века, но и погребальные традиции культур предыдущего периода.

Полевые исследования, проводившиеся на памятнике Ханабад-1, по существу, выявило несколько научных проблем, проявившихся в следующем:

1. Впервые раскапывается и изучается могильник эйлатанской культуры, расположенный в самой восточной части Узбекистана. Почти весь диапазон погребальных традиций могильника Ханабад-1 соответствует критериям погребального обряда не только могильников эйлатанской культуры западной и юго-западной части Ферганы, но также сохраняет ряд основных параметров захоронения кочевых культур региона эпохи бронзы – наличие впускной ямы с сужением у дна (хотя и без каменных ящичков), последовательное заполнение могильной камеры слоями грунта и камня, наличие грунтово-каменных насыпей-курганов и галечной вымостки на поверхности могильника. Все перечисленное указывает на генетическую последовательность погребального обряда носителей эйлатанской культуры, являвшихся преемниками кочевых культур эпохи бронзы.

2. Курганы, раскопанные в могильнике Ханабад-1, характеризуются своей конструкцией (овальные впускные ямы, заполненные последовательно слоями грунта и камня), ориентированной только на запад, с учетом некоторых отклонений (северо-запад, юго-запад), в зависимости от времени года, и богатым комплексом погребального инвентаря (богато орнаментированная лепная расписная керамика, женские украшения из металла и различных минералов, изделия из камня и керамики), располагавшегося в погребении по определенным критериям, характерным для всех могильников культуры Эйлатан.

3. В отличие от эйлатанских курганов, расположенных в западных и юго-западных пустынно-степных районах долины и хорошо известных мировому научному сообществу, в могильнике Ханабад-1, помимо погребений умерших на спине, соответствовавших религиозным представлениям и погребальному обряду эйлатанцев, сохранились и погребальные традиции бронзового века – захоронения в скорченном положении. В этом плане следует отметить, что только в могильнике Ханабад-1 эйлатанской культуры отчетливо прослеживается параллель с кайракумской культурой в сохранении двух видов труположения. Однако при захоронении в скорченном положении для покойного сооружается стандартная впускная яма, как и для захоронения в вытянутом положении – различается длина погребальной камеры. Тем не менее несколько интригует не только несоразмерная длина (2 м) могильной ямы для захоронения в скорченном положении (М-4, М-9), но и глубина (М-4) почти в два раза больше (1,35 м) обычного. Дело в том, что в скорченном виде рост погребенного уменьшается вдвое и в среднем составляет 0,9 м. Соответственно кажется логичным, что могила должна быть в два раза компактнее и по длине, и по глубине, но, на наш взгляд, эта кажущаяся нелогичная ситуация основана на четких критериях и канонах, сформировавшихся в период эйлатанской культуры. Последнее, вероятно, напрямую связано с религиозным представлением и мировоззрением носителей этой кочевой культуры Ферганы.

4. Одним из уникальных открытий могильника Ханабад-1 является наличие своеобразных «парных» (друг за другом, а не друг возле друга) захоронений. В первом случае (М-9) повторное захоронение происходит после определенного времени и с сохранением четкой дистанции между ними, а во втором (М-21) – через очень короткий промежуток времени и с анатомическим нарушением скелета, предшествовавшего захоронению. Ситуация с могилой М-9 – два последовательных захоронения – не зафиксированы в известных могильниках эйлатанской культуры, но что-то похожее отмечено в некоторых курганах кочевых культур предыдущей эпохи бронзы (Пиотровский 1973: 466; Иванов 1999: 24). Подобные новации в погребальном обряде объясняются, вероятно, введением специфических изменений в традиции захоронений в данной культуре. Особый интерес представляет верхнее захоронение могилы М-9, так как второй раз после М-4 погребенный был в скорченном положении, что не вводит подобную практику в ранг исключений из погребальных традиций. В целом наличие двух видов труположения сохраняется в погребальной традиции с эпохи бронзы, но для эйлатанской культуры подобное выявлено пока только для крайней восточной части Ферганы.

5. В отличие от могильников, принадлежащих эйлатанской культуре в западных и юго-западных районах Ферганы, образцы материальной культуры и, в особенности, лепной расписной керамики, представленной в виде основного сопроводительного инвентаря погребенных на могильнике Ханабад-1, являются оригинальными. Орнаментация погребальных сосудов значительно богаче выявленной керамики из таких могильников, как Актам, Суфан и Кунгай, поскольку, наряду с чисто кочевническими узорами, зачастую и в центральных сюжетах орнаментации сосудов, преобладают элементы узоров оседлых или смешанных с кочевыми народами. Более того, мотивы орнаментации каждого сосуда уникальны, так как они не повторяются.

Эти результаты полевых исследований показывают, насколько богато наследие древностей Ханабада. Вышеизложенное позволяет говорить не только о том, что могильник Ханабад-1 по своим размерам, по богатству орнаментированной керамики, по украшениям из различных минералов и металлов может быть одним из крупных центральных могильников эйлатанской культуры, но и о том, что эта культура является преемницей не земледельческой, а кочевой культуры бронзового века.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Абдуллаев Б. М.* Урбанизационные процессы в античной Фергане // История и археология Турана / Ред. А. Э. Бердимуратова. Самарканд, 2017. № 3. С. 113–120.
- Абдуллаев Б. М., Камбаров Н. Ш.* Андижон вилояти Хонобод-1 ёдгорлигидаги казишма натижалари // АИ. Вып. 13. Самарканд, 2021. С. 5–10.
- Абдуллаев Б. М.* Фарғона водийси илк темир даври маданиятлари тадқиқотлари бўйича шарҳ // Issues of the Centralasian history in world historiography : First International scientific conference. Volume 1. Fergana, 2022. P. 100–107.
- Абдуллаев Б. М.* К проблеме эйлатанской культуры древней Ферганы // Бюллетень МИЦАИ. Вып. 35. Самарканд, 2023. С. 19–35.
- Аванесова Н. А.* Археология Средней Азии: энеолит и бронзовый век / Отв. ред. Аскарлов А. А. Самарканд: Shabnam omad nur, 2020. 274 с.
- Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА, № 26. М.-Л.: Академия наук СССР, 1952. 343 с.
- Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г.* Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине // КСИИМК. Вып. 63 / Отв. ред. А. Д. Удальцов. М.: Академия наук СССР, 1956. С. 88–97.
- Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г.* Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины // СА. М.: Наука, 1957а. № 3. С. 130–135.
- Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г.* Ак-тамский могильник // КСИИМК. Вып. 69. М.: Наука, 1957б. С. 78–90.
- Горбунова Н. Г.* Кунгайский могильник // АСГЭ. Вып. 3. Л.: ГосЭрмитаж, 1961а. С. 171–194.
- Горбунова Н. Г.* К вопросу о расписной керамике Ферганы // СГЭ. Вып. XXI. Л.: ГосЭрмитаж, 1961б. С. 41–44.
- Горбунова Н. Г.* Культура Ферганы в эпоху раннего железа // АСГЭ. Вып. 5. Л.: ГосЭрмитаж, 1962. С. 91–122.
- Горбунова Н. Г.* Суфанский могильник // АСГЭ. Вып. 11. Л.: ГосЭрмитаж, 1969. С. 72–91.
- Горбунова Н. Г.* О локальных особенностях в культуре древней Ферганы // СА. М.: Наука, 1970. № 1. С. 77–86, карт.
- Горбунова Н. Г.* Итоги исследования археологических памятников Ферганской области (к истории культуры Ферганы) // СА. М.: Наука, 1979. № 3. С. 16–34.
- Горбунова Н. Г.* О культуре степной бронзы Ферганы // АСГЭ. Вып. 32. 1995. С. 13–30: ил.
- Заднепровский Ю. А.* Археологические памятники южных районов Ошской области / Отв. ред. П. Н. Кожемяко. Фрунзе: Академия наук Кирг.ССР, 1960. 176 с.
- Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА. Вып. 118. М.-Л.: Академия наук СССР, 1962. 328 с.
- Заднепровский Ю. А.* Памятники андроновской культуры // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы / Отв. ред. В. М. Массон. М.: Академия наук СССР, 1966. С. 193–207.
- Иванов Г. П.* Кашкарчинский могильник – новый памятник эпохи поздней бронзы в Фергане // ОНУ. Вып. 10. Ташкент: Фан, 1988. С. 44–47.
- Иванов Г. П.* Археологические культуры Ферганы (периодизация и синхронизация) // Дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Самарканд, 1999. 188 с.
- Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири / Отв. ред. В. М. Массон. М.: Академия наук СССР, 1951. 635 с.
- Козенкова В. И.* Погребельные памятники Ферганы первых веков нашей эры // СА. М., 1966. № 1. С. 211–226.
- Литвинский Б. А.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа Кайрак-Кумов // Древности Кайрак-Кумов / Отв. ред. Д. Е. Хайтун. Труды АН Тадж. ССР. Том. XXXIII. Душанбе, 1962. С. 90–403.
- Окладников А. П.* Предварительный отчет об исследовании памятников каменного и бронзового веков в Таджикистане летом 1954 года // Археологические работы в Таджикистане в 1954 году / Отв. ред. Д. Е. Хайтун. Сталинабад: Академии наук Таджикской ССР, 1956. С. 5–18.
- Пиотровский Ю. Ю.* Памятники эпохи бронзы в Ферганской долине // АО 1972. М.: Наука, 1973. С. 465–466.

- Спрушевский В. В. Чустское поселение эпохи бронзы // КСИИМК. Вып. 71. М.: Академия наук СССР, 1958. С. 86–98.
- Abdullaev B. M., Kambarov N. Sh. Xonobod yodgorligida olib borilgan tadqiqotlarning dastlabki natijalari // International conference: “The history of the Fergana valley in new researches”. Section 1: Archeology and Ethnology of the Fergana Valley. 2021. B. 233–249. <https://doi.org/10.47100/conferences.v1i1.1299>
- Abdullaev B. M., Kambarov N. Sh. Andijon viloyatidagi Xonobod-1 yodgorligida ikkinchi mavsum dala tadqiqot natijalari // FarDU ilmiy xabarlar. 5-son. Farg'ona, 2022. B. 55–66.
- Bulkstrra J., Ubelaker D. Standarts for date collections from human skeletal remains // Proceeding of a seminar at the Field Museum of natural history / organized by Jonathan Haas. Arkansas, 1994. 206 p.

REFERENCES:

- Abdullaev, B. M. 2017. In Berdimuradov, A. E. (ed.). *Urbanizatsionnye protsessy v antichnoj Fergane (Urbanization processes in ancient Fergana)*. In *Istoriya i arxeologiya Turana (History and archeology of Turan)*. Issue 3. Samarkand, 113–120. (In Russian).
- Abdullaev, B. M., Kambarov, N. Sh. 2021. *Andizhon viloyati Xonobod-1 yodgorligidagi qazishma natijalari (Excavation results in Khanabad-1 monument of Andijan region)*. In *Arxeologicheskie issledovaniya (Archaeological Research)*. Issue 13. Samarkand, 5–10. (In Uzbek).
- Abdullaev, B. M. 2022. *Farg'ona vodijsi ilk temir davri madaniyatlari tadqiqotlari bo'jicha sharh (Comments of studies on the cultures of the Early Iron Age of Fergana)*. In *Issues of the Central Asian history in world historiography: First International scientific conference*. Volume 1. Fergana, 100–107. (In Uzbek).
- Abdullaev, B. M. 2023. *K probleme ehjlatanskoj kul'tury drevnej Fergany (On the Problem of the Eilatan Culture in Ancient Fergana)*. In *Byulleten' Mezhdunarodnyj institut central'noazatskih issudovanij (Bulletin International Institute for Central Asian Studies)*. Issue 35. Samarkand: IICAS Publ., 19–35. (In Russian).
- Avanesova, N.A. 2020. In Askarov, A. A. (ed.). *Arxeologiya Srednej Azii: ehneolit i bronzovyy vek (Archaeology of Central Asia: Eneolithic and Bronze Age)*. Samarkand: Shabnam omad nur Publ., 274. (In Russian).
- Bernshtam, A. N. 1952. *Istoriko-arkheologicheskie ocherki Tsentral'nogo Tyan'-Shanya i Pamiro-Alaya (Historical and archaeological essays on the Central Tien-Shan and Pamir-Alai)*. In *MIA (Materials and research on the archeology of the USSR)*. No 52. Moscow-Leningrad: Nauka Publ., 343. (In Russian).
- Gamburg, B. Z., Gorbunova, N. G. 1956. *Mogil'nik ehpokhi bronzy v Ferganskoj doline (Bronze Age burial ground in the Fergana Valley)*. In *Kratkie soobshheniya Instituta arxeologii AN SSSR (Brief reports on reports and field research of the Institute of the History of Material Culture)*. Issue 63. Moscow: Akademiya nauk SSSR Publ., 88–97. (In Russian).
- Gamburg, B. Z., Gorbunova, N. G. 1957a. *Novye dannye o kul'ture ehpokhi bronzy Ferganskoj doliny (New data on the Bronze Age culture of the Fergana Valley)*. In *Sovetskaya arxeologiya (Soviet archeology)*. Issue 3. Moscow: Nauka Publ., 130–135. (In Russian).
- Gamburg, B.Z., Gorbunova, N.G. 1957b. *Ak-tamskij mogil'nik (Ak-tam burial ground)*. In *Kratkie soobshheniya Instituta arxeologii AN SSSR (Brief reports on reports and field research of the Institute of the History of Material Culture)*. Issue 69. Moscow: Nauka Publ., 78–90. (In Russian).
- Gorbunova, N. G. 1961a. *Kungajskij mogil'nik (Kungaj burial ground)*. In *Arxeologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ėrmitazha (Archaeological collection of the State Hermitage Museum)*. Issue 3. Leningrad: GosĖrmitazh, 171–194. (In Russian).
- Gorbunova, N. G. 1961b. *K voprosu o raspisnoj keramike Fergany (On the issue of painted ceramics of Fergana)*. In *Soobshheniya Gosudarstvennogo Ėrmitazha (State Hermitage Museum Messages)*. Issue XXI. Leningrad: Gos Ėrmitaj, 41–44. (In Russian).

- Gorbunova, N. G. 1962. *Kul'tura Fergany v ehpokhu rannego zheleza (Fergana culture in the early Iron Age)*. In *Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological collection of the State Hermitage Museum)*. Issue 5. Leningrad: GosEhrmitazh, 91–122. (In Russian).
- Gorbunova, N. G. 1969. *Sufanskij mogil'nik (Sufan burial ground)*. In *Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological collection of the State Hermitage Museum)*. Issue 11. Leningrad: GosEhrmitazh, 72–91. (In Russian).
- Gorbunova, N. G. 1970. *O lokal'nykh osobennostyakh v kul'ture drevnej Fergany (On local features in the culture of ancient Fergana)*. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet archeology)*. Issue 1. Moscow: Nauka, 77–86, kart. (In Russian).
- Gorbunova, N. G. 1979. *Itogi issledovaniya arkheologicheskikh pamyatnikov Ferganskoj oblasti (k istorii kul'tury Fergany) (Results of the study of archaeological monuments of the Fergana region (to the history of the culture of Fergana))*. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet archeology)*. Issue 3. Moscow: Nauka, 16–34. (In Russian).
- Gorbunova, N. G. 1995. *O kul'ture stepnoj bronzy Fergany (About the Fergana Steppe Bronze Age Culture)*. In *Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological collection of the State Hermitage Museum)*. Issue 32. Leningrad: GosEhrmitazh, 13–30: il.
- Zadneprovskij, Yu.A. 1960. In Kojemyako, P. N. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki yuzhnykh rajonov Oshskoj oblasti (Archaeological sites of the southern regions of the Osh region)*. Frunze: Akademiya nauk Kirg.SSR, 176 (In Russian).
- Zadneprovskij, Yu. A. 1962. *Drevnezemel'del'cheskaya kul'tura Fergany (Ancient agricultural culture of Fergana)*. In *MIA (Materials and research on the archeology of the USSR)*. No 118. Moscow-Leningrad: Akademiya nauk SSSR Publ., 328. (In Russian).
- Zadneprovskij, Yu. A. 1966. In Masson, V. M. (ed). *Pamyatniki andronovskoj kul'tury (Monuments of the Andronovo culture)*. In *Srednyaya Aziya v ehpokhu kamnya i bronzy (Central Asia in the Stone and Bronze Ages)*. Moscow: Akademiya nauk SSSR Publ., 193–207. (In Russian).
- Ivanov, G. P. 1988. *Kashkarchinskii mogil'nik – novyj pamyatnik ehpokhi pozdnej bronzy v Fergane (Kashkarchinsky burial ground – a new monument of the Late Bronze Age in Fergana)*. In *Obshestvennye nauki v Uzbekistane (Social Sciences of Uzbekistan)*. Issue 10. Tashkent: Fan Publ., 44–47. (In Russian).
- Ivanov, G. P. 1999. *Arkheologicheskie kul'tury Fergany (periodizatsiya i sinkhronizatsiya) (Archaeological cultures of Fergana (periodization and synchronization))*: Abstract of the dissertation of the candidate of historical sciences. Samarkand, 188. (In Russian).
- Kiselev, S. V. 1951. In Masson, V. M. (ed). *Drevnyaya istoriya YUzhnoj Sibiri (Ancient history of Southern Siberia)*. Moscow: Akademiya nauk SSSR Publ., 635. (In Russian).
- Kozenkova, V. I. 1966. *Pogrebel'nye pamyatniki Fergany pervykh vekov nashej ehry (Funeral monuments of Fergana of the first centuries of our era)*. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet archeology)*. Issue 1. Moscow: Nauka Publ., 211–226. (In Russian).
- Litvinskij, B. A. 1962. In Khajtun D. E. (ed). *Pamyatniki ehpokhi bronzy i rannego zheleza Kajrak-Kumov (Monuments of the Bronze and Early Iron Ages Kayrak-Kumov)*. In *Drevnosti Kajrak-Kumov (Antiquities of Kairak-Kum)*. Trudy AN Tadh. SSR. Issue XXXIII. Dushanbe, 90–403. (In Russian).
- Okladnikov, A. P. 1956. In Khajtun, D. E. (ed). *Predvaritel'nyj otchet ob issledovanii pamyatnikov kamennogo i bronzovogo vekov v Tadjikistane letom 1954 goda (Preliminary report on the study of monuments of the Stone and Bronze Ages in Tajikistan in the summer of 1954)*. In *Arkheologicheskie raboty v Tadjikistane v 1954 godu (Archaeological work in Tajikistan in 1954)*. Stalinabad: Akademii nauk Tadjikskoj SSR, 5–18. (In Russian).
- Piotrovskij, Yu. Yu. 1973. *Pamyatniki ehpokhi bronzy v Ferganskoj doline (Bronze Age monuments in the Fergana Valley)*. In *Arheologičeskie otkrytiâ (Archaeological discoveries)*. Moscow: Nauka, 465–466. (In Russian).
- Sprishevskij, V. V. 1958. *Chustskoe poselenie ehpokhi bronzy (Chust settlement of the Bronze Age)*. In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii AN SSSR (Brief reports on reports and field research of the Institute of the History of Material Culture)*. Issue 71. Moscow, 86–98. (In Russian).
- Abdullaev, B.M., Kambarov, N. Sh. 2021. *Xonobod yodgorligida olib borilgan tadqiqotlarning dastlabki natijalari (Preliminary results of studies monuments of Khanabad)*. In *International conference: "The*

history of the Fergana valley in new researches”. Section 1: Archeology and Ethnology of the Fergana Valley. 233–249. (In Uzbek).

<https://doi.org/10.47100/conferences.v1i1.1299>

Abdullaev, B. M., Kambarov, N. Sh. 2022. *Andijon viloyatidagi Xonobod-1 yodgorligida ikkinchi mavsum dala tadqiqot natijalari (Results of the second season on Khanabad-1 cemetery in field studies in Andijan region)*. In *FaRDU ilmiy xabarlari (Scientific news of Fergana State University)*. Issue 5. Fargana 55–66. (In Uzbek).

Bulkstra, J., Ubelaker, D. 1994. In Jonathan Haas. *Standarts for date collections from human skeletal remains*. In *Proceeding of a seminar at the Field Museum of natural history*. Arkansas, 206.

ON THE CONTINUITY OF THE FUNERAL RITE IN EILATAN CULTURE

© 2024. Bakhtiyor Abdullaev

Samarkand Institute of Archeology named after Y. Gulyamov

Keywords: Andijan, Khanabad, Bronze and Early Iron Ages, burial ground, nomadic and agricultural cultures.

This article presents the results of a comparative analysis of burial ground designs from the Bronze and Early Iron Ages, based on archaeological research at the Khanabad-1 site. It attempts to reveal distinctive features of the burial traditions associated with the nomadic and agricultural cultures of Bronze Age Fergana. While the funerary rituals align with the main characteristics of the Eilatan culture, the discovery of a complex of richly ornamented molded and painted ceramics – featuring specifically agricultural motifs – is unprecedented for this cultural group. The construction of graves and burial rites at Khanabad-1 largely correspond to the less-studied burial grounds of the Eilatan culture in western and southwestern Fergana. However, they also closely resemble the burial traditions of Bronze Age nomadic cultures. Notably, a grave containing a crouched skeleton, characteristic of the Late Bronze Age, was discovered in the eastern part of the valley. Additionally, cenotaphs were identified at the Khanabad-1 site, a practice typical of nomadic tribes from the preceding period. These findings suggest that the people associated with the Khanabad-1 burial ground, representing the eastern variant of the Eilatan culture, were likely the successors of the nomadic Kairakkum culture.